

УДК 008

Суворов Дмитрий Владимирович

кандидат культурологии,
доцент факультета бизнеса и управления
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: dmitrij_suvorov_60@mail.ru

Suvorov Dmitriy Vladimirovich

Candidate of Culturology, Associate Professor
at Business and Management Department, Liberal
Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

ПАРЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

PARTIAL MODERNIZATION

Аннотация

Статья посвящена феномену «парциальной модернизации». В работе рассматривается специфика содержания и системных закономерностей этого своеобразного типа «догоняющей модернизации», анализируются современные научные теории, изучающие и систематизирующие данный феномен. В силу того что элементы «парциальной модернизации» присущи абсолютному большинству социумов, идущих по пути «вторичной модернизации» (в том числе – России), изучение данной социокультурной закономерности является во многом матричной для понимания современных модернизационных процессов в целом.

Ключевые слова: парциальная модернизация; акторы; фрагментарное развитие; демодернизация; рецидивизирующая модернизация; «закон уровней» З. Кракауэра.

Abstract

D. Suvorov's article discusses the «partial modernization» phenomenon. The paper considers the specific content and systemic order of this peculiar type of «catch-up modernization», it analyzes modern theories of science that map out this phenomenon as well. The study of its social and cultural patterns in many respects provides matrix for general understanding of modernization because the elements of «partial modernization» are characteristic for absolute majority of societies (including Russia) following the «secondary modernization» way.

Key words: partial modernization; actors; fragmentary development; demodernization; recurrent modernization; the Z. Kracauer's «Law of Levels».

Ущербное становится совершенным, кривое – прямым,
пустое – заполненным, ветхое сменяется новым;
стремясь к малому, достигаешь многого;
стремление получить многое ведет к заблуждениям.

Древнекитайская Книга Перемен

Представление о модернизации как длительном переходе от «относительно немодернизированных» к «относительно модернизированным» обществам, высказанное в одной из ранних работ по проблемам теории модернизации (М. Леви, 1966), получило углубленное развитие в более поздней концепции **парциальной** (или частичной, «фрагментированной») модернизации. «Во многих обществах, – писал автор концепции Д. Рюшемейер, – модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые структуры. Часто такие социальные несообразности представляют собой временное явление, сопровождающее ускоренные социальные изменения. Но нередко они закрепляются и сохраняются на протяжении поколений. Именно такие устойчивые формы существования разнородных социальных структур являются предметом настоящего исследования. Если давать формальное определение, то частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и

том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур» [3. Р. 756–772].

Возможность парциальной модернизации связывалась с проникновением современных социокультурных практик и ценностей в слаборазвитые общества, т. е. с механизмом диффузии и наличием контакта между обществами, стоящими на различных ступенях развития. При этом исторический материал свидетельствовал в пользу существования достаточно широких возможностей для восприятия даже сложных институциональных и культурных феноменов обществами-реципиентами, весьма далекими от того, чтобы самостоятельно производить подобные феномены. Рюшемейер при этом обращал внимание на неоднородность общества-реципиента в плане возможностей усвоения импортных элементов: «При определенных обстоятельствах модернизация средств, ролей, организаций и норм может зайти очень далеко, а вера и ценностные ориентации остаются неизменными. Из этого правила, пожалуй, можно сделать исключение лишь для тех обществ, которые столь мало дифференцированы, что практически все важнейшие действия имеют религиозную форму, и наоборот, религия переплетена с повседневными ритуалами и правилами. В этом случае предшествующая модернизации система будет либо сопротивляться институционализации важнейших стереотипов в духе модернизации, либо полностью рухнет» [Цит. по: 4. С. 74].

В процессе парциальной модернизации несоответствия могут возникать как между институтами, так и внутри них, а также в сознании конкретной личности, порождая «устойчивое фрагментарное развитие». В отличие от сторонников линейной модели авторы, придерживавшиеся парциальной модели, помещали процесс модернизации в международный контекст, признавая в качестве важнейших условий самой частичной модернизации противостояние обществ-новаторов и «стран-последователей».

Итак, суть парциальной модели сводится к признанию возможности «застывания» некоторых обществ на стадии «частичной» модернизации. Таким образом, данный подход означал предоставление права на существование еще одному пути (ответвлению) от традиционности к современности. В определенной степени выдвижение модели парциальной модернизации являлось шагом от линейного видения исторического процесса в сторону парадигмы, подразумевавшей возможность многолинейной динамики.

Парциальная модель, как и линейная, ориентировалась на изучение макромасштабных социальных явлений и процессов и основывалась на структурно-системном подходе, однако она поставила под сомнение множество признаков линейной модели (революционный, комплексный, системный, глобальный, стадийный, конвергенционный, необратимый характер модернизации). Важнейшая характеристика линейной модели, связанная с жесткой систематизацией обществ по принципу отнесения к «традиционности» или к «современности», была основательно пересмотрена в рамках парциальной модели, сводившей традиционные и модернизированные элементы в особую взаимосвязь. При этом парциальная модель не могла выступать в качестве элементарной замены линейной модели. Ее конструирование стало реакцией на дефектность универсалистских претензий линейной модели. Созданная применительно к определенным историческим ситуациям, парциальная модель позволяла снять ряд теоретических противоречий, возникавших при исследовании с опорой на линейную модель тех случаев развития, которые блокировались слишком большими различиями между традиционными и современными (обыкновенно заимствуемыми из внешней среды) ценностями и институтами (такие ситуации нередко именуются догоняющей, неорганичной модернизацией) [7. С. 40–56]. Ситуационно ориентированная, парциальная модель

стала рассматриваться как частный, субоптимальный случай линейной модели развития.

К описанной концепции примыкают размышления Э. Тириакияна о том, что отдельные вовлеченные в модернизационный процесс агенты (акторы) действительно могут сознательно постоянно следовать по пути модернизации; некоторые группы могут делать это лишь на протяжении какого-то временного отрезка; отдельные акторы вообще могут отвергать движение по пути модернизации. Как пишет Э. Тириакиян, «существуют периоды расширенной деятельности по изменению или совершенствованию социальных структур или институционального устройства не только внутри, но и между обществами, и имеют место другие периоды, когда наступают удовлетворенность и усталость, сопровождаемые лишь слабыми попытками подъема и обновления» [Цит. по: 9. С. 157].

Сказанное, однако, имеет смысл прокомментировать следующим образом. Может создаться впечатление, что все вышеизложенное вступает в противоречие с характеристиками модернизации (в том числе и догоняющей) как системного и взаимосвязанного в своих элементах процесса. На самом деле противоречия здесь нет, поскольку действия законов теории систем никто, естественно, не отменял – можно только констатировать их проявление в своеобразных условиях. Так, системность и взаимосвязь всех составляющих элементов в условиях парциальной модернизации приводит к тому, что в ее результате создаются структуры гибридного (а иногда и, используя терминологию Л. Гумилёва, химерного) характера – поскольку одни составляющие имеют модернизационный характер, другие нет. У. Росту назвал такие социальные организмы «переходными» (по У. Росту, их будущим должна стать так называемая «стадия сдвига»), однако Ф. Ригс, изучая «переходные общества», пришел к выводу, что они отличаются жизнестойкостью и долговременностью существования, вследствие чего их трудно назвать именно «переходными». Имеет смысл предложить по отношению к таким сообществам использовать концепт «маргинальные сообщества», поскольку в цивилизационно-культурном аспекте они формируются именно на своеобразном «пограничье» разноплановых и зачастую антагонистичных тенденций и акторов. Будут ли эти составляющие вести себя по матрице «конфликтной социологии» (в русле дискурса Маркса – Дарендорфа – Фуко) или же унаследуют «линию поведения» в рамках контовско-дюркгеймовско-парсоновской парадигмы – напрямую зависит от культурной составляющей (А. Казанцев обращает внимание на прямую взаимосвязь между духовно-культурной традицией конкретных стран и регионов и степень конфликтного или неконфликтного протекания модернизационных процессов в них¹) [6]. Такие маргинальные образования – в зависимости от местной социокультурной традиции, исторических реалий и характера взаимосопреженных элементов – могут создавать синдром «расколотого общества» (диагноз, который, как известно, А. Ахиезер поставил России) или же избегать «химеризации», формировать структуры более или менее гармоничные, симбиотическо-ксениальные (если опять воспользоваться типологией Л. Гумилёва). Если у подобных структур появляется хотя бы относительная инерционность, а также элементы удержания ценностного образца системы и самореференции – относительная долговечность им обеспечена (что и было отмечено в наблюдениях Ф. Ригса); кроме того, при всей своей гетерогенности, такие образования в любом случае нуждаются во вза-

¹ По мысли А. Казанцева, «неконфликтными регионами» являются католическо-протестантская Европа (и их «филиалы» типа США, Канады, Австралии и т. д.), а также страны с буддийско-конфуцианско-индуистским культурным багажом; православные же и исламские страны демонстрируют противоположную матрицу.

имной коррекции собственных составляющих (как отметил Р. Инглегарт, «если эти системы не будут поддерживать друг друга на взаимной основе, им грозит отмирание») [5. С. 267–268]. Однако при этом остается в силе противоречие между модернизационными и не- (или даже анти-) модернизационными элементами, входящими в подобные системы, и это со всей неизбежностью должно создавать в данных структурах поле напряжения, которое *просто исчезнуть само собой* не может по определению: один из антагонистов должен подточить другого. Этот антагонизм совершенно не обязательно должен носить резко выраженный, конфликтный характер – процессы могут носить «ползучий», вялотекущий характер (что и создает иллюзию стабильности). Но в конечном итоге вопрос ставится «ребром» – «или-или»: или модернизационные процессы, в полном соответствии с теорией систем, пойдут вглубь и вширь, захватывая новые области, – или произойдет традиционалистская реакция и модернизация захлебнется, произойдет *демодернизация* (все зависит от конкретных флуктуаций). Примеров *полного* краха модернизационных процессов практика дает не так уж много, но они есть: например, именно такой, наихудший вариант продемонстрировала Черная Африка в эпоху деколонизации (что и дало повод квалифицировать этот регион как «третий мир в самом третьем мире»); чаще же наблюдается то, что Н. Наумова определяет как *рецидивирующую модернизацию* [8. С. 7] – постоянную, «хроническую» процессуальность модернизации по принципу, определенному бразильским ученым Н. Вернек Содре как «движение квадратного колеса» («шаг вперед, два назад»), с откатами и попятными движениями, с неизбежной отсюда высокой социальной ценой преобразований. Вариантом такого развития является инверсионная цикличность про- и антимодернизационных периодов (российско-испанско-турецкий вариант): такая матрица является наиболее болезненной, поскольку в наибольшей степени подвержена исторической инерционности (что, однако, не фатально – в силу активного включения субъективного, волевого фактора, о чем писали А. Турен, У. Бек и П. Штомпка). Так, в исследованиях, посвященных перспективам политической модернизации стран Третьего мира, С. Хантингтон, не отрицая значения такого фактора, как уровень экономического развития, обращает внимание и на волю политических элит, которая также, по его мнению, оказывает огромное влияние на складывание новых политических контуров. Полемизируя с авторами прямолинейных схем модернизации классического периода, исследователь предлагает новую концепцию зоны перехода (транзиции, или выбора). Согласно этой концепции, по мере экономического развития страны вступают в зону перехода, в которой традиционным политическим институтам становится все труднее обслуживать новые функциональные потребности. Экономическое развитие само по себе, считает ученый, не в состоянии детерминировать процесс замены традиционных учреждений определенной моделью политической системы (например, демократической). Вместо линейного движения к демократии западного типа, страны в зоне перехода оказываются перед множеством выборов среди различных альтернатив. Их будущее развитие оказывается в зависимости от того исторического выбора, который должны совершить их политические элиты [1. Р. 193–218].

К характеристике «переходно-маргинального» этапа, типичного для парциальной модернизации, приложимы следующие особенности, описанные И. Побережниковым. «В основе создания исторической ткани переходных периодов лежит полиморфизм как ведущий организационный принцип. Следствием дифференциации темпов изменения социальной материи становится длительное сосуществование разностадиальных, разнотипных, разновекторных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционируют отнюдь не в вакууме, а в плотном историческом контексте, образуя исторические конstellляции, оказывая друг на друга воздействия, приводящие к обоюдным трансформа-

циям. ...Общая динамика переходных периодов не может элементарно подсчитываться путем арифметического суммирования динамик, ее составляющих. ...В контексте переходной эпохи происходит становление социальных структур, которые выглядят аморфными... Переходный период можно представить как сложную систему взаимодействий между различными субъектами... как сложную череду внутренних и внешних импульсов и реакций на них (положительных, отрицательных или нейтральных); как продолжительный континуум, в рамках которого осуществляется взаимодействие между прошлым, настоящим и будущим, между традицией и новацией, трансформирующее как ту, так и другую. При этом «осовременивание» одной из сфер общественного организма может осуществляться за счет другой... Динамика переходных периодов детерминируется, помимо факторов внутреннего происхождения, факторами экзогенными (в условиях догоняющей модернизации этот момент кардинален. – Д. С.). ...Ни один вывод, касающийся определенной сферы, не может, согласно «закону уровней» З. Кракауэра, автоматически переноситься на более общую сферу» [10. С. 55–57].

К описанной парадигме (отрицание прямолинейной телеологии в изучении модернизационных процессов) примыкает и так называемая «акторная модель» Т. Пиирайна. Исследователь считает методологически корректным перенести исследовательский фокус с социальных структур (что характерно, по его мнению, для традиционного подхода в социологии, в рамках которого первоначально исследуются и идентифицируются некоторые социальные структуры, а затем определяется место индивидуумов или других социальных акторов в этих гипотетических структурах) на изучение индивидуума (индивидуального актора). Выборы в пользу определенных жизненных стратегий, которые делают конкретные семейства, и действия, в которых они участвуют, равно как возможности и ограничения, с которыми они сталкиваются, – становятся предметом анализа Т. Пиирайна на первой стадии исследования. На следующей стадии рассматриваются структурные импликации подобных индивидуальных выборов и действий. Сопоставление выборов и стратегий различных семейств, по мнению исследователя, дает возможность представить контуры нового социального порядка, коллективные результаты индивидуальных действий акторов. Теоретические схемы, описывающие поведение индивидуальных деятелей, например упрощенные суждения неоклассической микроэкономики, полагает Т. Пиирайн, характеризуются более универсальной применимостью [2. С. 43–44].

Вышеперечисленные теории, изучающие, если можно так выразиться, «волюнтаристский аспект» догоняющей модернизаций, прекрасно иллюстрируются историческими реалиями. Так, догоняющие модернизации эпохи Просвещения в Европе имели общую окраску и направленность: они проходили в русле «просвещенного абсолютизма» (и в рамках представлений о том, что монарх или правитель может и должен вести свой «неразумный народ» к высотам Просвещения – достаточно вспомнить известные слова Петра I о «царе-отце» и «народе-ребенке»). В этом смысле реформы Петра, при всей их жесткости и экстравагантности, сущностно не отличались от гораздо более «интеллигентных» реформаторских мероприятий Фридриха Великого в Пруссии, Иосифа II в Священной Римской империи, П. Аранды и Х. Флоридабланки в Испании, С. Ж. Помбала в Португалии, И.-Ф. Струэнзе в Дании. А такие азиатские модернизации, как реформы Махмуда II в Османской империи, Мухаммеда Али в Египте, Тэвонгуна в Корее, Миндона в Мьянме, Теодроса II в Эфиопии, Хайдара Али и Типу Султана в Майсуре, – не только содержательно, но даже и стилистически очень напоминают российские реалии начала XVIII в. (Миндона и Теодроса II даже прямо сравнивали с Петром I). Сходство это – прямое следствие общей социокультурной и исто-

рической обстановки, в которой действовали описываемые исторические деятели, но также и имманентно присущих догоняющей модернизации реалий.

Литература

1. Huntington S. Will More Countries Become Democratic? // *Political Science Quarterly*. – 1984. – № 99.
2. Piirainen T. *Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life*. – University of Helsinki, 1997.
3. Rueschemeyer D. Partial modernization // *Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons* / ed. by J.C. Loubser et al. – NY., 1976. – Vol. 2.
4. Волков Л. Б. Теория модернизации – пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие (Обзор англо-американской литературы) // *Критический анализ буржуазных теорий модернизации : сб. обзоров*. – М., 1985.
5. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // *Новая постиндустриальная волна на Западе : антология* / под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999.
6. Казанцев А. А. О теориях модернизации // *ПОЛИС : сетевой портал журнала*. – Семинар 1: Интеллигенция и структурные инновации в политическом пространстве. – URL: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=18
7. Красильщиков В. А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // *Вопросы философии*. – 1993. – № 7.
8. Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? – М., 1999.
9. Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // *Экономическая история. Обзорение* / под ред. Л. И. Бородкина. – Вып. 8. – М., 2002.
10. Побережников И. Уровни изучения модернизации: мировой, цивилизационный, страновой, региональный, локальный (теоретические аспекты) // *Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение : материалы Всероссийской научной конференции «К 75-летию академика РАН Вениамина Васильевича Алексеева»* (Екатеринбург, 2–3 июля 2009).